

Славный вечер Парижа

Моск. новости - 1994 - 30 марта - 6 стр. - с. 24

ДОМ

В этот вечер императорская чета Японии не участвовала ни в светской, ни в деловой жизни. Императрица Мичико просила передать в Париж: «Мы будем весь вечер музицировать и вспоминать дорогого Славу».

А утром, в девять, звонил Ельцин. Так хитро договорились — именно в девять, потому что без четверти на авеню Жорж Мандел к маэстро должен прибыть Красавченко, советник Президента с указом о награждении Славы орденом. По телефону говорили долго и непротокольно, трубку брала Наина Иосифовна. Разговор этот почему-то особенно растрогал не юбиляра, а жену его, Галину Павловну. Наверное, потому, что Наина Иосифовна сказала: «Берегите Галю, это ваш прекрасный цветок».

Семья Бушей не звонила, зато прислала поздравления почему-то со своей фотографией, на которой Джордж и Барбара сосредоточены. Видимо, на Славинном юбилее.

Ночью пришло длинное письмо от Рейганов. Все, кто мог к этому времени ясно понимать по-английски, уловили главную мысль — искусства могут появляться и расцветать лишь в условиях демократии — и немножко поспорили.

Мы, прилетевшие из Москвы, появились у Ростроповича к двенадцати дня. Квартира к этому времени уже напоминала недурной

С семи вечера минувшего четверга Париж был взят: до поздней ночи он принадлежал Славе — 70-летие Мстислава Ростроповича оказалось, как и сам юбиляр, наднациональным праздником.

два года назад тяжелейшим инсультом, писал долго, но уже сам.

ТЕАТР

Задолго до подъезда к театру «Шамз Элизе» улица перекрыта. Количество полиции и крепких ребят с одним наушником такое, будто ждут не гостей президента (именно семья Ширака организовала торжество и приглашала на них), а всемирный слет террористов. Вместо них через шлюз секьюрити идут в театр по красному ковру Грегори Пек, лорд Йегуди Менухин с женой, Родион Щедрин и Майя Плисецкая, Лев Додин, Гия Канчели, Геннадий Хазанов с дочерью и Эдвард Радзинский с мыслями, видимо, о важном историческом моменте, академик и посол Юрий Рыжов, в смокинге и бабочке больше похожий на матерого киногероя перед вручением Оскара, жены посла Адамишина и первого вице-премьера Чубайса...

Увы, нас всех жадные фоторепортеры пропускают мимо. В зале все камеры нацелены на президентскую ложу. Это весь центральный балкон, и вот он начинает заполняться.

Премьер-министр Италии Романо Проди.

Королева Нидерландов Беатрис.

Принц Монако Ренье.

Королева Испании София.

Президент Азербайджана Гейдар Алиев с дочерью.

Президент Португалии Сампайо.

Принц Уэльский Чарльз.

Мэр Москвы Юрий Лужков, дочь Президента Татьяна с мужем и старшим сыном. Почему-то Зураб Церетели.

Наконец, Бернадетт Ширак.

Камеры стреляют вспышками так, будто именно фоторепортеров попросили поддерживать свет в зале. Овации. Места рядом с мадам Ширак занимают Мстислав Ростропович и Галина Вишневская в белом, шитом золотом, каком-то царском платье.

Великий Сейджи Озава из-за дирижерского пульты машет Славе рукой. Тишина. Вступают фанфары и Национальный оркестр Франции.

...Описывать концерт дальше по меньшей мере бестактно и самонадеянно. Как можно описать три с половиной часа музыки, когда играли лучшие на земле музыканты? Сальваторе Аккардо, Владимир Спиваков, Максим Венгеров, Гидон Кремер (скрипка), Юрий Башмет (альт), Хосе Мария Коллардо дель Рей (гитара), Давид Герингас и Наталья Гутман (виолончель), Жан Пьер Ромпаль (флейта), Натали Дессей (сопрано). Ван Клиберн, этот стареющий мальчик, вдруг сказал речь: «Славочка, Галочка, до конца жизни я вас люблю!»

Дирижировали Озава, Пендерецкий, Менухин... Были исполнены вещи, написанные специально для Ростроповича Леонардом Бернштейном, Кшиштофом Пендерецким, Родионом Щедриным.

Обидно, что многие из русских музыкантов в России уже не живут, но еще обиднее, что есть такие, кого мы даже толком и не знаем. Например, симфоническим оркестром Парижа дирижировал Семен Бычков, выпускник Московской консерватории, для которого в свое время не нашлось работы в родной стране.

Лишь один номер этого потрясающего концерта в «Шамз Элизе» был исполнен непрофессионалами. Композицию «Молитва», написанную дочерью юбиляра — Леной, исполнили вместе со взрослыми музыкантами внуки Иван, Сергей, Анастасия и Саша.

Элтон Джон, который только-только пережил сам крутой юбилей, 50, поставил в этом

концерте прекрасную точку. «Хэппи бёздей» подхватили и сцена, и зал.

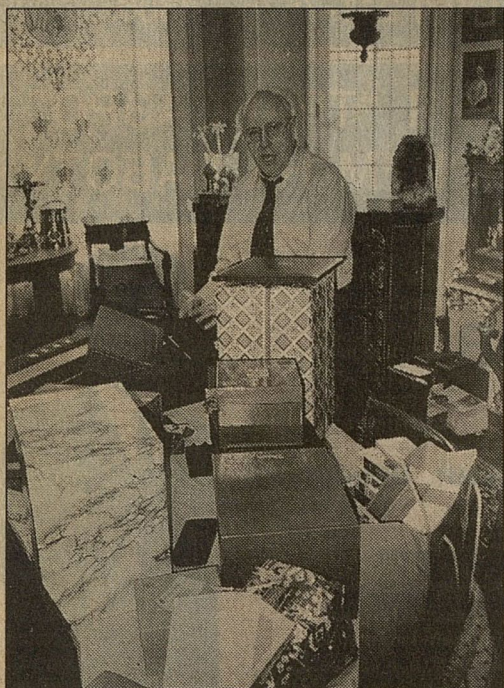
На этом юбилейном концерте не вручались награды, не было прочитано ни одного адреса, наоборот, много смеялись над Питером Устиновым и немного над Славиным французским в спиче к залу и музыкантам. Но, думаю, не меня одного не оставляло какое-то высокое ощущение причастности к нерядовому моменту истории. И ощущение это усилилось во Дворце президента Франции.

ДВОРЕЦ

Пройдя мимо вытянувшихся гвардейцев Елисейского дворца, более трехсот гостей сами вытянулись в длинную очередь. Полтора часа президент и госпожа Ширак, юбиляр и Галина Вишневская жали приглашенным руки. При этом Слава успел расцеловаться чуть ли не с каждым вторым, а Жак Ширак отпустить каждому радостную реплику.

За столами по десять царило веселье, чему не мешали то же шампанское «Дон Периньон» и вина урожая 1978 года. На десерт вынесли сорок тортов, каждый из которых был украшен метрономом и скрипичным ключом.

Странно было бы, если встреча в столь высоком обществе, даже на почве любви к гению виолончели, обошлась бы без политических подтекстов. Президент Азербайджана смог по близости места к французскому

Подарки, подарки, подарки...

цветочный магазин, арендующий площадь у салона подарков. Букеты по семьдесят роз на метровых стеблях здесь выглядели скромным пучком фиалок. Обеденный стол был завален коробами и коробочками в сафьяне и бархате. Открыта была лишь одна, а в ней высший орден Тайваня, врученный Ростроповичу накануне, во время гастролей. Кто-то принес шоколадный торт-виолончель, на огромном полотне-подарке и сам маэстро был с любимым инструментом, наконец, на антикварном карельской березы диване в гостиной разлеглась настоящая новенькая виолончель, только-только подаренная юбиляру.

Маэстро разрывался между гостями и телефоном.

— Ой, спасибо, миленький, ой, солнышко, спасибо...

Телефон отключается.

— Это из Киева. Голос помню, а кто такой, забыл.

Садимся. Галина Павловна приносит зеленую бутылку «Дон Периньон». Наливаем шампанское. Пауза перед высокими словами.

— Слушайте, — вступает юбиляр, — а вы анекдот про то, как новые русские пришли в консерваторию, знаете? Сели, дирижер взмахнул палочкой... Один другого спрашивает: «Как думаешь, это Бах или Бетховен?» — «А черт его знает, он же спиной стоит...»

Маэстро срывается в другую комнату.

— Самый дорогой подарок покажу!

Приносит партитуру — подарок Альфреда Шнитке. Но самое ценное даже не она, а записка: «Дорогой Слава! Желаю тебе сил и здоровья для всего прекрасного, что ты делаешь. Храни тебя Бог. Твой Альфред». Записку гениальный композитор, пораженный

Юбиляр с внуками и собакой

лидеру, по некоторым полунамекам понять, как в Елисейском дворце относятся к его политике. На ужине, не афишируемое для мира, произошло знакомство дочерей российской и французского президентов, выполняющих при своих отцах в выборную кампанию и после нее приблизительно одну и ту же роль. Юрий Лужков, обняв и расцеловав Владимира Спивакова, неожиданно поделился с соседями по столу своим планом: попытаться сделать «Виртуозов Москвы» главным столичным симфоническим оркестром.

Ширак и Ростропович обменялись очень короткими и опять же непатетическими речами. Оба называли друг друга на «ты». Между их речами неожиданно выступило новое вокальное трио: Галина Вишневская, Сейджи Озава и Питер Устинов. Элтону Джону их пение так понравилось, что он встал у своего стола на колени.

Ширак не был бы французским президентом, если бы точку в этом вечере не поставил коллективной фотографией с двадцатью пятью поварами, готовившими ужин. Но и Ростропович не был бы великим русским, если бы, закончив торжество во Дворце президента Франции, в два ночи не поехал со своими русскими друзьями к себе домой, чтобы, сидя за столом, выпить и наконец, как принято, поговорить о главном.

...Когда мы разъезжались, продавцы уже раскладывали в киосках утренние газеты — все как одна с заголовками, где было имя «Слава».

Виктор ЛОШАК

Париж